

Ассоциативное поле страшилки в аспекте ее восприятия

В работе предпринята попытка психолингвистического исследования особенностей восприятия страшилки носителями русского языка, характер отражения в ассоциативном поле страшилки ее конституирующих признаков.

В научной литературе по детскому фольклору страшилка в общем виде характеризуется как «детские устные рассказы условно-реалистической или фантастической направленности, имеющие, как правило, установку на достоверность» [Мельников 1987: 76]; «для страшилки характерен острый трагический конфликт, который развивается на основе противостояния и борьбы двух традиционных фольклорных систем: «добра» и «зла» [Мельников 1987: 77]. Такое определение, однако, не раскрывает во всей полноте сути страшилки как страшной истории (ср. внутреннюю форму названия), его специфики по сравнению с другими фольклорными жанрами, обладающими этими же признаками (например, с быличкой и сказкой), особенностей представления этого понятия в сознании носителей русского языка.

В качестве основных характеристик страшилки следует, на наш взгляд, выделить следующие:

- недетерминированность, доходящая до логики абсурда (приведем пример типовой страшилочной ситуации: *пятилетнюю (!) девочку мама отправляет в магазин покупать черный рояль (!), при этом дает ей указание не покупать рояль с красным пятном (!), однако в магазине все (!) рояли оказываются с красным пятном, и девочка покупает инструмент, нарушая запрет матери и т.д.*);
- рефлексия субъекта по поводу воображаемой опасности и безрассудность по отношению к опасности реальной. Ср., например, панический ужас, охватывающий ребенка при одной мысли о том, что он останется один в темноте, где его могут подстергать немислимые опасности, и ситуацию троекратного нарушения им запрета старших, хотя уже два раза он получил страшное (часто кровавое) предупреждение;
- ритуализованность – непременно включение текста в ритуал его исполнения. Обязательными условиями для существования страшилки являются: детская аудитория дошкольного или младшего

школьного возраста, рассказ только в темноте¹, желательно в замкнутом пространстве, в отсутствие взрослых, произнесение текста с устремленной интонацией и т.п.;

- страшилка – особая форма психологической защиты, «тренинга психики»: невербализованное ощущение тревоги, загадочность и необъяснимость воображаемой опасности парализует волю, в то время как познанными, а еще лучше – вербализованными (по меньшей мере, перечисленными) объектами страха можно управлять, что приводит к эмоциональной разрядке, к уверенности в собственных силах;

- суггестивность текста (от лат. *suggestio* «подсказывание, внушение, намек») – воспринимаемое без критической оценки активное воздействие на воображение, эмоции, чувства слушателя посредством образных, символических, цветовых, ритмических, звуковых и т.п. ассоциаций.

Интересным в этой связи представляется выявление тех компонентов, которые являются средством создания эффекта суггестии в страшилке, выведения страшилки в ряд особого рода суггестивных текстов. Вряд ли можно согласиться с мнением об отсутствии суггестивных текстов, ср.: «не совсем правомерно говорить о неких специфических суггестивных текстах. Скорее всего, существуют лишь факторы, направляющие ассоциации реципиента, задающие способ восприятия информации» [Уйбина 2002: 71]. Может быть, это утверждение справедливо по отношению к отдельным жанрам, в том числе фольклорным, но не к любому тексту. Ср., например, феномен восприятия абракадабры с воплощенной в ней идеей семиотической аннигиляции объекта воздействия. Считаем, что страшилка – тоже своеобразный суггестивный текст, маркером суггестии в нем является не только форма знака, но и семантический потенциал ритуала, в который включена страшная история.

Лингвистический анализ страшилок разных типов (около двухсот записей, сделанных студентами-филологами Уральского педуниверситета во время фольклорной практики на территории Среднего Урала за последние 12 лет) позволил выявить средства создания страха, определяющие суггестивный характер текстов этого жанра. Наиболее частотными средствами являются:

¹ Одно из объяснений страха темноты (психологическое) заключается в том, что мозг человека «не терпит “половинчатой” информации и старается “заполнить” недостающие компоненты элементами прошлого опыта. Поэтому при отсутствии света у человека разыгрывается воображение и он начинает видеть опасность там, где ее нет» [Щербатых 2002: 63]

а) цветообозначения (*белый, желтый, черный, красный*) с закрепленными в них коннотациями и символическими значениями. Особым страшилочным приемом является градационное использование цветowych эпитетов с целью нагнетания чувства страха, ощущения угрозы, приближающейся катастрофы и гибели, например, *черный-черный человек // с каждым днем пятно становилось все краснее и краснее // желтая-желтая рука;*

б) императивы со значениями запрета, ограничения и предписания: *иди, только не ступай на седьмую ступеньку // подними мой костыль, только не смотри на мою ногу // надень новые туфли, только не надевай красные носки;*

в) лексические повторы во всех композиционных частях текста: *на одной тихой-тихой улице // в одном старом-старом доме // на пыльном-пыльном чердаке // девочка, девочка, выключи радио;*

г) пространство, как правило, замкнутое, странное, «сакрально негарантированное»¹: *подвал, тюрьма, улица, лес, кладбище, могила, порог, под землей, в гробу, дуло, дыра, базар, подъезд, подземный переход, под крышкой пианино, в рояле, колодец, шкаф, за дверью.* Если в повествование вводится свое, обжитое, знакомое и, казалось бы, «сакрально гарантированное» пространство, например, *комната, квартира, дом, под одеялом, кухня,* то непременно с элементами вторжения чужого (*дыра, открытое окно, появление какого-то необычного предмета*) или с включением «сакрально негарантированного» времени (*ночь, полночь, темнота* как символы чего-то мистического, таинственного, потенциально опасного).

Как видно из приведенного выше материала, лексический и синтаксический уровни языкового выражения страха выступают как максимально репрезентативные.

Для того чтобы выявить параметры ассоциативного поля страшилки в русском языковом сознании, нами был проведен свободный ассоциативный эксперимент. Испытуемым (23 студентам 3-4 курсов филологического факультета) было предложено дать реакции на слово-стимул «страшилка». Было выдвинуто следующее предположение: если в моделируемом ассоциативном поле будут преобладать эмоционально-оценочные, чувственные, иррациональные компоненты, то можно говорить о закреплённости суггестивного (а не логического) кода восприятия текста страшилки в сознании носителей языка.

Ассоциативное поле страшилки включает реакции, которые можно

¹Термины *сакрально гарантированное* и *сакрально негарантированное* пространство введены в научный оборот С.Г.Шиндиным.

представить в виде следующих семантических объединений:

1. Цветовые ассоциаты – *черный (7), красный (5), кровь (5), света нет, темно, темнота (2), кровавый, темень;*

2. Чувственные ассоциаты – *ужас (9), страх (3), кошмар (2), одиночество (2), ах, ох, бояться, испугаться, беспокойство, трястись, тревога, нервный (2), никогда не страшно, жуть, завывание;*

3. Социокультурные ассоциаты – *лагерь (2), ночь в лагере, дети в майках, дети в кружке, дети у костра (3), в палатке ночью, пионервожатый;*

4. Афористические ассоциаты (в основном оценочного плана) – *у страха глаза велики (2), держать в страхе, нервишки расшалились (3), сердце в пятки ушло, тихий ужас, поджилки дрожат, все трясутся от страха;*

5. Оценочные ассоциаты – *жестокость (2), жестокий, ожесточение, беспощадный (2), зло, ненавидеть, ненависть, человеконенавистник, интерес, интересный (3);*

6. Эмоциональные ассоциаты – *смешно (2), печальный, грустный, несчастный ребенок, уроды;*

7. Репродуктивные ассоциаты: а) связанные со знанием хронотопа страшилки и коммуникативного контекста, релевантного для «нормального» существования этого жанра детского фольклора – *комната (3), кладбище (9), ночь (11), чердак, подвал (5), лес;* б) ассоциаты, связанные со знанием фабульных ходов – *родители обычно убивают своих детей, финал неожиданный, всех убили, счастливый конец, отдай мое сердце! соседка была ведьмой;* в) ассоциаты, связанные со знанием субъектно-объектной организации текста страшилки – *старуха, оборотни, ведьма, убийца (6), предмет-убийца, злые вещи, живые предметы, дети (7), гроб (6), гроб на колесиках (2), родители (3);*

Самая многочисленная семантическая группа – чувственно-оценочные и репродуктивные ассоциаты (около 70% от всех полученных реакций). Эти реакции формируют ядро ассоциативного поля – мыслительную «картинку», образ страшилки. Вокруг ядра сосредоточился довольно плотный слой ассоциатов, составляющих периферию (социокультурные и афористические ассоциаты). Эти ассоциаты дают возможность смоделировать содержание той части поля, которая является наиболее интерпретационной: словесные формулы этой группы (особенно устойчивые) выражают народные суждения об описываемом объекте, в них закреплены стереотипные характеристики страшилки и связанной с ней коммуникативной ситуации.

Дальше представлена «стихия» индивидуальных ассоциаций: *сказка, колдовство, все придумано, нечистая сила, черти с дьяволами,*

главный леший, Карлсон, робот, исчезать, пропал ребенок, легенда, новогодность, что-то таинственное, за тридцать земель, белая простыня, красные зубы, кто-то, штора летает, свинья, черные перчатки, красное одеяло, рожка, красные носки, мохнатая голова, черный человек, черная обезьяна, черный слон, черная кошка, пианино-кровопийца, страшная кукла, радио, что-то душит, голос ниоткуда, предупреждаю в последний раз.

Индивидуальные тематические ассоциации особенно ярко демонстрируют специфичность ментального пространства страшилки, в котором переплелись сказочные, мифологические, научно-фантастические и реально-бытовые элементы (ср., например фрагмент, связанный с субъектно-объектной организацией текстового поля страшилки: *домовой, белый старик (смерть), ведьма, вампир чертенок, Баба Яга – с одной стороны, и милиция, директор школы, таксист (водитель), продавец – с другой*).

Именно эти единичные ассоциации, не отражающие семантических компонентов значения слова-стимула, не отражающие элементов знания о понятии, закрепленных в словарной дефиниции, связывают концепт «страшилка» с сопредельными («миф», «детский фольклор», «демонология», «фантастика» и др.).

Следующий этап изучения ассоциативного поля страшилки - определение направлений ассоциативного прогноза при развертывании текста (методика дополнения). Интересным, на наш взгляд, является рассмотрение того, как в семантике текстов-конструктов (текстов, полученных в результате моделирования финалов по заданному началу страшной истории) представлены ядерные и периферийные средства создания страха. Эксперимент по достраиванию текста в еще большей степени, чем предыдущий, позволяет выявить существенные характеристики страшилки как особого рода суггестивного текста. Предполагалось, что в вариантах продолжения текста по заданному началу будет проявляться сформированный на основе прежнего опыта тип восприятия данного объекта.

Эксперимент на продолжение текста позволяет, кроме того, выявить ключевые единицы текста, выступающие в функции рефлексивного стимула. В качестве стимула был выбран текст «классической» страшилки: *На одной черной-черной планете был черный-черный город. В этом черном-черном городе был большой черный-черный двор. Посреди этого черного-черного двора стояло большое черное-черное дерево. В этом черном-черном дереве было черное-черное дупло. В нем сидел черный-черный мертвец ...* Испытуемым предлагалось закончить текст, доведя его до логического финала.

На стыке оригинального текста и выстроенного прогноза носители языка используют разные стратегии ассоциирования, которые можно свести к нескольким типам (поле прогноза в каждом следующем сюжетном ходе может оставаться прежним, сужаться или расширяться). Инвариантные схемы страшилок могут быть представлены в виде следующих условных конфигураций:

1. Страшилки с интонационно угрожающим завершением. Поле прогноза сужается. Этот тип страшилки можно представить в виде формулы $A > B$, где A – объем поля прогноза, B – объем поля реализации.

Схема 1

A

B

В данном случае используется стратегия смыслового уплотнения, стяжения текста вплоть до его свертывания: *Черными-черными вечерами черный-черный мертвец выходил в черный-черный двор, поджидал поздних прохожих, подкрадывался к ним сзади и говорил: «Отдай мое сердце!» – (рассказывать надо в непосредственной близости друг к другу и при произнесении последней фразы хватать слушающего за одежду в области сердца) // У этого черного-черного мертвеца были черные-черные глаза, эти черные-черные глаза смотрят прямо на тебя. Вдруг открывается у него черный-черный рот: «Я тебя съем!» // Скучно было черному-черному мертвецу, очень было скучно. Он пошел по черной-черной улице искать непослушных детишек. И вот он здесь, мой маленький друг. Этот черный-черный мертвец – Я!!! (громко закричать) // Вокруг дупла летали черные-черные птицы, эти черные-черные птицы клевали черного-черного мертвеца. Одной из этих страшных черных птиц мертвец сказал: «Не клюй мое сердце!».*

2. Собственно страшилки со страшным концом. Поле прогноза остается относительно постоянным за счет того, что испытуемые строят сюжетные ходы на основе действия типичных страшилочных персонажей в типичных условиях по устойчивой (стереотипной) схеме (формула $A = B$).

Схема 2

A

B

В данном случае используется стратегия типизации: *Этого черного-черного мертвеца пожирала черные-черные черви. Эти черные-черные черви никогда не останавливались. Эти черные-черные черви пожирала черное-черное дерево, потом пожирала этот черный-черный*

двор, потом пожирала этот черный-черный город, потом сожрала эту черную-черную планету. *Можно рассматривать этот вариант как разновидность типизации - цикличность (возвращение к началу по кругу с использованием тех же деталей)* // И каждую ночь он выходил из дупла и душил по одному жителю города, а когда все жители кончатся, он придет в твой город. *Эффект незавершенности сюжета, введение местоимения 2 лица - мотив прямой угрозы слушающему* // Черный-черный мертвец держал черное-черное яблоко, в черном-черном яблоке сидел черный-черный червяк, который придет и загрызет тебя! *Эффект удваивания отрицательной энергии создается за счет введения еще одного антагониста, отсюда усиление прогнозируемой угрозы.*

3. Страшилки с нестрашным концом, квазистрашилки. Поле прогноза расширяется по принципу дополненности: вводятся либо дополнительный герой, либо дополнительный сюжетный ход, либо актуализируются периферийные компоненты ассоциативного поля (формула $A < B$).

Схема 3

А

В

В данном случае используется стратегия детализации (буквализации и т.п.). Часто эксплуатируется эффект обманутого ожидания: *Этот черный-черный мертвец говорил всякому к нему подходящему: «Уходи! Спать мешаешь!» // И рассказывал анекдоты // Отдай мое сердце! А заодно печень и селезенку!* Традиционное завершение страшилок с интонационно угрожающим завершением, «добавка» же (*а заодно печень и селезенку!*) переводит текст в разряд квазистрашилок.

Психолингвистическое исследование страшилки позволяет выявить характер представленности ее ассоциативного поля в сознании носителей русского языка. Некоторые особенности восприятия страшилки (например, выдвигание на первый план периферийных компонентов ассоциативного поля, преобладание в нем эмоционально-оценочных, чувственных ассоциатов и т.п.) свидетельствуют об актуальности суггестивного кода восприятия текста страшилки.

Литература

Мельников М.Н. Русский детский фольклор. М., 1987

Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб., 1999